

[Оглавление](#)

Лидия Волконская

Прощай, Россия!

(Моя жизнь)

Глава 5. Киев - первая любовь

В детские ли годы, в молодости ли, в зрелую пору моей жизни и потом, до конца ее, я не могла представить себе полного счастливого существования вне Ромеек. И как бы не однообразна, примитивна и порою тяжела была жизнь в Ромейках, и как бы ни роскошна, интересна и культурна она была в других местах, городах, странах - в них моя жизнь казалось мне какой-то ненастоящей, временной и даже порою, потерявшей свой смысл. Только там, в Ромейках, чувствовала я себя в своей, мне свойственной от рождения атмосфере.

В Ромейках все было далеко не так радостно, как я это себе воображала. Родители - озабоченные, невеселые. Леля и Маруся, хотя и выросли, но смотрели на меня, как на какую-нибудь столичную гостью, даже стеснялись. Детвора одичала без досмотра. Чтобы утешиться, я пошла на нашу любимую дорогу, посмотреть на Ромейки издали - на такие дорогие и знакомые очертания нашей усадьбы. Хотелось вроде бы убедиться, что она существует и такая же как раньше. Я глядела на нее и не могла наглядеться. Вот дуб, все тот же, как сторож у дороги. Недалеко от него, по-прежнему никогда не высыхающая лужа; она все так же отражает клочек неба и придорожный куст, и та же, протоптанная в траве, дорожка вокруг нее. Только направо, где был винокуренный завод, теперь пустырь. На нем, над грудями кирпичей и ямами от подвалов, уже заросшими крапивой и полынью, качает ветвями, словно кадиллом, одна осиротелая береза.

Зато немного дальше, среди куполов деревьев, по-прежнему, проглядывает часть почерневшей крыши и под нею белый угол нашего родительского дома. На нем теперь зияет, как незажившая рана, большое рыжее пятно от опавшей штукатурки. Рядом широкое окно папиной рабочей комнаты все так же, как бдительное око, смотрит на дорогу. Но, скрытая за окном, внутри дома, жизнь и обстановка уже не прежние. От мебели не осталось и половины. В столовой нет буфета, но круглый, наш, стол, за которым, когда-то обсуждались все семейные и хозяйские дела, сохранился. В спальнях не хватает кроватей. Нет и моей. Вспомнив, что мы годами сбрасывали на чердак амбара всякую ненужную мебель, я забралась туда и открыла целый клад. Нашлась и кровать, но с поломанной ножкой. Обмотав ее проволокой, я решила, что моя кровать ничем не хуже любой новой. Там же отыскали мы с Лелей какие-то старые кресла, стулья, столики. Все обмыли, очистили и принялись с увлечением приводить в порядок наш, обиженный чужими людьми, дом.

Но разбитая обстановка дома была мелочью по сравнению с общим разорением всего хозяйства Ромеек.

В сохранившихся к счастью хозяйственных постройках была пустота: ни скота, ни земледельческих орудий - все было разграблено. Ничего удивительного мы в этом не находили. Во-первых, уезжая, мы оставили Ромейки на произвол судьбы и милость наших, оставшихся там, рабочих.

Во-вторых: это было время, когда, под влиянием широко распространенной революционной пропаганды, окончательно разлагался фронт. Солдаты дезертировали, унося с собою в деревни оружие и большевистские идеи.

Чтобы быть справедливой, должна сказать, что из всех идей наши Ромейские мужики приняли только некоторые. Правда, они разбили винокуренный завод, но это было какое-то, неизвестно кем сделанное и повсеместно распространенное постановление. Они разграбили и то при участии, главным образом, наших же рабочих, инвентарь имения, но им внушалось: "Грабь награбленное", - лозунг самого Ленина. Они захватили землю имения, но: "Вся земля крестьянам" - гласил другой лозунг большевиков. Они рубили лес, но на это была полная свобода. "Слабода" как выражались ромейцы. Они совершенно правильно поняли то значение, какое этому лозунгу придавали тогда большевики.

Захватив то, что само лезло им в руки, наши ромейские мужики дальше этого не пошли. Когда мы вернулись в Ромейки, то вполне мирно и дружелюбно с ними сжились. Никаких претензий мы к ним не предъявляли, да и не могли, и они не трогали нас. Наоборот, с их помощью, папе удалось засеять несколько десятин, незанятой ими земли, а это, без лошадей, орудий и семян, было нелегко.

Пропитание нашей семьи и то было большой проблемой. Ни хлеба, ни даже картошки своей не было. Были только фрукты в саду и овощи. Мама, не теряя надежды на возвращение, наказала рабочим засадить на ряду с их огородами, огород и для нас. Думая, что он останется им, они охотно это сделали. Все остальное приходилось покупать, одалживать или обменивать на что-либо у мужиков. Яйца, кур, иногда и поросят бабы приносили маме в благодарность за медицинскую помощь, которую она, как бывало и раньше охотно им оказывала, посещая больных.

Каждое утро мама с вернувшейся к нам кухаркою Гапой, ломала голову, чем накормить нашу большую семью. Утром пили кофе с сахаринном, а кофе делали сами из поджаренных зерен ячменя и желудей. Мама, несмотря на свое исключительно хорошее здоровье и силу, до того уставала, что с трудом добиралась вечером к своей кровати. Мы не понимали тогда всего самоотверженного, незаметного героизма ее жизни, и нам старшим часто бывало неловко за нее: она перестала следить за собой, опустила внешне, стала раздражительна, сердито кричала на младших братьев. Они же, предоставленные самим себе, пользовались во всю свободой и простором Ромеек. То зароятся в какой-нибудь стог сена, а мы все бегаем, ищем, заглядываем в колодцы, в пруды... То наедятся незрелых фруктов, то, поскользнувшись в какой-либо луже, явятся выпачканными до самых ушей. Но это не мешало им расти добрыми, правдивыми детьми. Ни зависти, ни лжи, ни злорадства, ничего подобного в них не было.

Бежит Павлик с ревом, сгорбившись, закрывая одной рукой глаз, а другой поддерживая спадающие штанишки, а за ним с еще большим плачем бежит Яша.

- Мама, - всхлипывает Павлик, - Яша ударил меня каблуком в глаз, посмотрите, - и он, отнимая руку, показывает синяк под глазом.

- Я не хотел, я лез на дерево, а Павлик снизу подполз ко мне. Я не видел его. Я не хотел... - Жалостливо вопит Яша.

- Вот видите, какие вы непослушные дети. Сколько раз я вам говорила не лазить по деревьям. Боже мой! Боже мой! И что мне делать со всей этой оравой детворы. И развелось же их, как на беду какую!... Что это из них вырастет, - дикари какие-то! Хоть бы кто-нибудь, хоть изредка присмотрел за ними. - Тут мама бросала на нас старших укоризненный взгляд.

В мою память врезалось только первое впечатления этого события: где-то, словно в пространстве, серый потрепанный конверт, лист письма в чьих-то руках, мамины глаза, ее дрожащие губы. Письмо было из Германии, из лагеря военнопленных, от Володи! В его воскресение было так же трудно сразу поверить, как раньше в его гибель. Письмо было короткое. В нем Володя тревожно спрашивал: где мы все, что с нами, живы ли? Он сильно волновался, так как на все его предыдущие письма к нам, никакого ответа не получил. Мы никогда не узнали, почему эти письма к нам не дошли. Хотя Володя, потеряв почти надежду, что и это письмо мы получим, писал очень мало о себе, но самое главное - факт, что он жив, цел и пишет нам, вызвал не только бурю радости в нас, но какое-то почти физическое облегчение во всех трудностях и заботах нашей тогдашней жизни.

В последующих письмах Володя, по нашей просьбе, написал что с ним произошло. Немцы, очищая поле битвы, откопали Володю и, заметив, что он еще жив, отправили в госпиталь. Вследствие контузии он был долгое время без сознания. После этого он еще долго болел. Когда поправился, его отправили в лагерь военнопленных. Володя жаловался, что там он, как и все русские, сильно голодает. Мы стали посылать ему посылки.

Хотя материальное положение было очень тяжелое, папа отправил нас всех старших на зиму в Киев. Лелю и Марусю в один пансион, двух братьев в гимназию, а меня, по-прежнему, в Художественную Школу, в семью дяди Валеры. Тетя с Ниной, боясь оставаться в Петрограде, где намеревались прожить целую зиму и вернуться в

Петроград только весной, когда все там успокоится.

В доме дяди Валеры тоже были большие перемены. Весь образ жизни стал скромнее. Не пили вина, не держали выездных лошадей, так как трудно было доставлять сено и овес из имений. Не была абонирована и ложа в опере.

Отношения же и настроения в семье изменились мало. Дядя был подавлен и угрюм больше прежнего. Если ему случалось пройти, когда мы сидели, разговаривая в столовой или гостиной, он проходил молча, тяжелым, медленным шагом, окидывая нас подозрительным и недружелюбным взглядом. После этого мы быстро разбегались по своим комнатам. Тетя Нюня, как это я теперь уже знала по ее таинственным прогулкам, продолжала свой роман с доктором и несмотря ни на что, была все так же весела, беспечна и полна радужных надежд.

- И когда уже все это безобразие закончится? Какая-то кучка авантюристов захватила власть и распоряжаются как им нравится. И как все так долго это терпят - не понимаю, - говорила она капризно и сердито.

Впрочем не одна она, никто тогда не сомневался, что большевики так же скоро и неожиданно исчезнут, как появились, и со дня на день ждали их падения. В Киеве в то время сформировалось отдельное правительство - Центральная Рада - которая поддерживала относительный порядок, законность и спокойствие. Все были счастливы, что революционные события Петрограда далеки и не могут коснуться отделившегося Киева и что все кончатся раньше, чем его достигнут.

Вернувшись в свою прежнюю школу, я с большим удовольствием стала посещать ее. Причиной этого была не только живопись. Когда я в первый раз вошла в назначенный мне головной класс, то увидела, что он был переполнен. Даже у самых ног модели: старика с седой, местами порыжевшей бородой и в залатанном, потерявшем свой цвет зипуне, сидело несколько учеников на низких скамеечках. Изображение старика виднелось на их полотнах в сильном ракурсе. В конце класса, где работали, стоя у больших мольбертов, тоже не видно было места.

- Кажется все места заняты, - сказала я нерешительно.

Никто не обратил внимания ни на мои слова, ни на меня; только кто-то буркнул, не отрывая глаз от работы:

- Да, похоже...

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, я бессознательно глянула в ту сторону и заметила в конце класса ученика, который отступив от своей работы, прищурившись критически ее рассматривал.

- Вот здесь есть свободное место, - сказал он, метнув на меня короткий взгляд и, указывая большим пальцем руки, в которой держал целый пук кистей, на пустое место, недалеко от него.

Не двинувшись, я продолжала стоять и смотреть на него, как зачарованная. Довольно высокий, широкоплечий, в коричневой "художественной" блузе, с густою шапкою каштановых волос, синими глазами и правильными чертами лица, он показался мне красавцем, чем-то вроде греческого полубога. Помимо наружности, что-то в нем неотразимо влекло меня к нему, вроде бы какая-то излучаемая им теплота.

Очевидно, я слишком долго смотрела на него, так как оторвавшись от работы, он опять глянул на меня. Я быстро перевела глаза вверх, делая вид, что смотрю на рисунок, висевший вверху на стене, позади его, а потом, не глядя на него, пробралась на указанное им место.

Я стала не ходить, а летать, как на крыльях, в школу, не замечая ни довольно длинной дороги, ни базара, ни лотков и баб на нем.

Его ожидающий и вспыхивающий радостью при моем появлении, взгляд захватывал во мне дыхание. Но, потом, точно успокоившись, что я здесь около него, он углублялся в работу, забывая обо мне. Я это понимала, так как и сама увлекалась живописью.

В перерывах, когда все должны были выходить в коридор для смены впечатления и отдыха, мы смущенно обменивались с ним полуулыбками и как бы что-то спрашивающими или ищущими взглядами, но не словами. Знакомство с ним представлялось мне таким невероятным счастьем, что я даже боялась его; к тому же он никакой инициативы к этому не проявлял, казался очень застенчивым, несмелым и довольным одними переглядываниями.

Так продолжалось недели три, пока у нас не переменяли модель. Когда после этого, я вошла в класс, то увидела место своего кумира пустым. Я постаралась утешить себя: "Ну мало ли что, может нездоров, а завтра или через несколько дней опять придет". Но прошла целая неделя, потом другая, а его все не было. Я места себе не находила, так загрустила.

Распросить кого-либо о нем, или хотя бы узнать его имя и фамилию, я и то не решалась.

Мне казалось что каждый сразу узнает, что со мной делается, и почему я спрашиваю. В это время я подружилась с одной из моих одноклассниц, Людой Рачицкой. Мне нравился ее спокойный, почти флегматичный характер и ее охотное подчинение моим настроениям и желаниям. Она была маленькая, худенькая, с серовато-синими выпуклыми глазами и неподвижными, ничего не отражавшими чертами лица, но довольно миловидная и с красивою, затейливою прической темных волос. Ее присутствие действовало на меня успокоительно, в чем я тогда нуждалась.

Люда узнала, что имя моего исчезнувшего героя Виталий Шкалев, и что он перешел в натурный класс, который находился на другом этаже и далеко от нашего.

- Он наверное очень увлекся новою работою. Первый раз пишет с натуры. Его считают очень способным учеником, одним из самых талантливых, - сказала мне Люда, ничего не подозревая.

Появился он в нашем коридоре во время перерыва только после Рождества. Я сразу почувствовала, что он пришел сюда ради меня. Взгляды, которыми мы обменялись были откровенней, горячей. Раз, проходя мимо меня, как обыкновенно для моральной поддержки со своим товарищем, он громко, с усилием преодолевая смущение, отчеканил:

- Я думаю, что эта барышня самая интересная в нашей школе.

Видно было, что эту фразу и как он ее скажет и где, он обдумал заранее.

В конце года, как всегда, у нас была выставка. Я стояла и рассматривала портрет,

получивший первый разряд.

- Как вам нравится эта работа? - спросил меня, подходя вместе с Шкалевым, его товарищ.

По моему, хорошо: рисунок четкий, соотношение тоже правильное - есть форма, выступает, - стараясь скрыть охватившее меня волнение, ответила я.

- А мне не нравится, - сказал Шкалев, тона сладенькие, розово-голубенькие, как у бумажного Херувимчика на Рождественской елке. Ваш портрет, по моему, лучше: тона глубокие, сочные и как вылеплен. Как это вы его написали?

- Да никак, само собой, случайно вышло, - ответила я.

- Вот это правда! Когда само собой получается - тогда и хорошо. Когда не мы, а что-то другое, какая то несознаваемая наша сила действует вместо нас, а мы только подчиняемся ей и передаем, тогда все, как вы сказали и выходит хорошо, - говорил Шкалев в то время, как его товарищ незаметно испарился.

Мы продолжали разговаривать о живописи. На эту тему он, по-видимому, мог без стеснения и с интересом говорить.

- Вы будете летом в Киеве? - спросил он, уже освоившись и меняя тему разговора.

- Нет, я через три дня уезжаю в деревню.

- Неужели? - испуганно глянув на меня, сказал он, - а я надеялся что мы с вами будем летом ходить на этюды. Поняв что его планы разрушаются и что меня скоро не будет, он, решившись, тревожно спросил.

- А что вы делаете сегодня вечером?

- Да ничего особенного. Мои все собираются в театр, но я не пойду, - ответила я.

- Вы были когда-либо в ботаническом саду?

- Нет, не была.

- Хотите пойдем туда сегодня вечером?

- Да, но я слыхала, что этот сад закрыт для публики.

- Я знаю один тайный проход. Там чудесно. Пойдемте, - уговаривал он меня.

- Хорошо, пойдем, это действительно должно быть интересно, - согласилась я, скрывая свою радость.

Вернувшись домой, я сказала тете:

- У меня что-то немножко голова болит. Лучше я сегодня в театр не поеду.

Уже стемнело, когда мы в назначенный час встретились около университета. Виталий провел меня боковыми проходами, и мы очутились позади здания университета, где, через узкое отверстие в изгороди, пробрались в сад.

Темная, полная весеннего томления ночь, скрывая настоящие формы предметов, придавала им фантастический вид. Длинное, погруженное в темноту и терявшее в ней свои очертания, здание университета казалось сказочным, уходящим в бесконечность,

дворцом. Только его центральная часть, вырванная из темноты светом фонарей, выступала вперед, отливала цветом красного вина. Над нею, растянувшись, чернильно-лиловое небо мерцало далекими звездами.

В начале сада была какая-то лужайка, покрытая ковром травы, казавшейся черной. Отыскав на ней, чуть белеющую дорожку, мы пошли вдоль низких каменных статуй, маячивших в стороне. Впереди группы деревьев, раскинув по небу свои широкие, как лапы, ветви, казалось звали нас в свою загадочную и чуть пугающую тень. Но войдя туда, мы почувствовали себя спрятанными и под их покровительственной защитой. Продолжая идти рядом с Виталием по окутанным темнотою и уходящим в нее аллеям, я оступилась и нечаянно - действительно нечаянно - столкнулась с Виталием. После этого мы как-то часто стали сталкиваться. Потом, дорожка ли сузилась, тьма ли, наступая и давя на нас с обеих сторон, заставляла ближе прижиматься друг к другу, но вскоре мы так приспособились идти, что наши ноги, почему-то не попадая в такт и встречаясь на каждом шагу, терлись и жались одна к другой и, путаясь, не могли разминуться. Притворяясь, что мы этого не замечаем, или что это неважно, или что иначе в темноте никак идти нельзя, мы продолжали бродить по этому замороженному, волшебному царству-саду, единственному в мире. Казалось, что существовал он только для нас, что дальше за ним ничего не было: мир кончался, а начиналась бездна и, хотя оттуда доносился шум большого города, это еще больше укрепляло ощущение нашей изолированности от него. Чем дольше мы так ходили, всецело поглощенные сладостным томлением наших путавшихся ног, только изредка перекидываясь словами, не имеющими никакого внешнего смысла, но для нас глубокого внутреннего, тем сильнее мы чувствовали, все возрастающую между нами близость.

- Который теперь может быть час? - спросила я, наконец, когда мы случайно оказались у одного из фонарей. Подняв руку, он долго всматривался и потом сказал:

- Не так и поздно, около одиннадцати.

- Что? Не может быть! Что же теперь будет? - воскликнула я испуганно.

- Да не волнуйтесь. Вы же говорили, что ваши в театре. Еще успеем.

По дороге он предложил мне поехать с ним завтра на Днепр покататься на лодке.

Все уже сидели за поздним ужином, когда я чуть не бегом вошла в столовую. Оба кузена, подмигнув многозначительно, переглянулись друг с другом, Нина, прищурив один глаз с той стороны, где сидели тетя и дядя и желая этим как бы предостеречь и выказать свое сочувствие, ободряюще мне улыбнулась.

Дядя поднял салфетку и, вытирая усы, принужденно откашливался, делая вид, что у него что-то царапало в горле.

- Что это ты, дорогая моя, запаздываешь? - сказала тетя, - что бы там ни было, и как бы там ни было, а к столу надо являться вовремя.

Заметив, однако мой виноватый вид, она повернувшись, продолжила оживленный разговор, этим давая понять, что вопрос о моем опоздании закончен. Она видимо, симпатизировала мне.

Сидя на скамеечке, в лодке, против Виталия, я ничего не замечала, кроме него одного: ни ясно видневшихся вдали на крутом берегу Днепра, куполов киевских церквей, ни широкого разлива Днепра у их подножья, ни сыпучего песка берега, мимо которого медленно продвигалась наша лодка, ни густых ивовых зарослей, местами подходивших к воде и купавших в ней свои длинные ветви, ни неба, с набегавшими на него облаками. Как могла я смотреть в его синеву, когда взгляд мой, жадно ловимый ласкающими

глазами Виталия, утопал в их глубине, где, сливаясь с ним в одно, я переставала сознавать себя.

Порою, со сладким томлением я замечала нежную с голубыми жилками кожу его рук, когда, мерно взмахивая веслами, он протягивал их в мою сторону.

Временами какой-то грохот доносился издалека. Но, занятые собою, мы не обратили на него внимания до тех пор, пока не загремело совсем уже близко. Не успели мы опомниться, как раскат грома потряс все вокруг, и молния зигзагами разрезала вдруг почерневшее небо. Поднялся сильный ветер, о лодку застучали капли дождя.

Превратившись скоро в потоки ливня, они стремились вниз к волнам, которые, пенясь подымались к ним навстречу и, точно целуясь, сливались с ними в одно сплошное море воды. Она заливала нам глаза, волосы, одежду, лодку. Ничего не стало видно.

Каким-то образом, прибившись к берегу, Виталий, уцепился за прибрежный куст, выскочил из лодки и вытянул меня. Кое-как прикрепив лодку, мы, взявшись за руки, бросились бежать, не зная куда, среди непрерывных ударов грома, сверкания молнии и пригибаемых к земле борящихся с ветром, ивовых кустов.

Неожиданно увидели среди них какую-то маленькую деревянную постройку. Крыша ее частично провалилась, в стенах сгнившие наполовину, бревна образовывали большие отверстия, но, хотя и похожее на скелет, это все же было какое-то убежище.

Вскочив туда через вход с оторванными дверями, мы облегченно вздохнули и, глянув друг на друга, весело рассмеялись. Между тем, гроза, как бы добившись своего и окатив наши пылкие чувства холодной водой, стала утихать, скоро так же быстро унеслась, как и налетела.

Отдышавшись и придя в себя, я заглянула на Виталия; и тут-то по быстро украдкой скользнувшему по мне и сконфуженному его взгляду я догадалась, что у меня что-то не в порядке, и к своему ужасу увидела, что была как раздетая. Мое тонкое шелковое белье и такое же тонкое платье, промокнув до последней нитки, плотно прилипло к телу, обрисовывая все его формы и местами просвечиваясь. Мои, раньше завитые и красиво уложенные локоны, распустившись, спадали длинными, мокрыми прядями на лицо и плечи. По ногам скатывались струйками капли дождя.

- Не смотрите, не смотрите на меня! - закричала я в отчаянии, заливаясь краскою стыда и стараясь спрятаться как можно глубже в угол. Природа положительно преследовала меня в этот день; луч солнца проникнув меж щелей и, словно издеваясь надо мной, сильнее осветил угол, где я и пряталась.

- Отвернитесь, пожалуйста, отвернитесь! - опять взмолилась я, глядя на Виталия испуганными, широко раскрытыми глазами, стараясь перехватить его взгляд и отвлечь от моей фигуры.

"Кончено, все кончено", - думала я, - "он разочаруется во мне раз и навсегда. Вид мой похуже чем у мокрой курицы, совсем голая... Не хочу, ни за что, ни за что с ним больше встречаться"...

- Не отвернусь, - робко и как бы прося, - проговорил он, - я хочу запечатлеть вас такую в моей памяти навсегда. Если бы я был талантливый художник и мог бы вас так написать...

- замечательная картина могла бы быть... Это освящение, игра света... Назвал бы я ее...

- Мокрая курица, - прервала я его.

- Нет русалка.

- По мере того, как он говорил, только что мучившие меня сомнения проходили.

Утешенная, я засмеялась, показывая что принимаю его похвалы за обыкновенный

комплимент, на самом же деле счастливая, что нравлюсь ему и такая и что возможно он любит меня также, как и я его теперь за его слова, за его любование мной. Стараясь не высказать своих чувств я, продолжая смеяться, сказала.

- А вы тоже хороши! Интересно, как это мы явимся в таком виде в город?

- Ничего, мы к тому времени высохнем. Мы проберемся незаметно. Мы будем в порядке.

Мы... - говорил он, улыбаясь и ненужным повторением слова "мы", связывая меня с собой и взглядом сияющих глаз добавляя то, что не выразил словами.

От этого его взгляда мне становилось жарко и неловко, и я вспомнила что не одета.

- А все-таки, надо что-то делать. Знаете что, пойдите посмотрите, где наша лодка.

Может ветер угнал ее Бог знает куда, а я, тем временем, постараюсь привести себя немножко в порядок.

Напоминание о лодке обеспокоило его и он, печально вздохнув, вышел. Оставшись одна, я сняла платье и, выжав из него воду, выглянула наружу.

Виталий ушел глубже в кусты, наверное, чтобы тоже обсушить одежду.

Жмурясь от слепящего солнца, я вышла и стряхнув капли дождя с ивовых деревьев и вымытых, отражавших блеск неба листьев, развесила на них свое платье. Вокруг все блистало, ликовало, освеженною, победоносною силою жизни. Днепр, успокоившись, тихонько плескался о берег, слегка покачивая нашу лодку.

Когда вернулся Виталий, я была уже одета во все сухое, также как и он. Но помятое платье, растрепанная прическа и весь мой вид смущали меня и, боясь произвести на него плохое впечатление, я заторопилась домой. Расставаясь, мы условились встретиться с ним на другой день на Владимирской Горке. Это была наша последняя встреча перед моим отъездом в Ромейки.

Направляясь к огромной, чернеющей на фоне неба, статуе Св. Князя Владимира, я уже издали увидела Виталия, сидевшего на ступеньках памятника. Вскочив, он торопливо бросился мне навстречу, и мы, не отдавая отчета, как это случилось, прижались губами друг к другу.

Оторвавшись и в первый раз обращаясь ко мне на "ты", он спросил:

- Почему ты опоздала? Я так волновался, думал может не придешь, может...

- Да я же пришла во время, покажи часы. - И я, что бы посмотреть время, взяла его за руку. Как магнитная сила притяжения пробежала между нами. Притянув к себе, он стал целовать мои руки, лицо, волосы. Кругом никого не было, и мы опустили на ближайшую скамейку. Оказалось, что он ошибся и пришел ровно на час раньше.

Все то чувство стеснения и неловкости, которое я испытывала раньше и которое сдерживало меня, исчезло без следа. Мне стало с Виталием так легко и свободно, как никогда ни с кем. Он показался мне таким своим, близким, родным, как будто бы мы всегда были с ним вместе и есть и будем, как что-то одно нераздельное.

И было это так естественно, так просто и понятно, что иначе казалось и быть никогда не могло.

- Скажи, почему ты тогда так на долго исчез? - спросила я, имея в виду время, когда он был переведен в натурный класс.

Он сразу понял, о каком времени я спросила.

- Я думал, что лучше мне с тобою не встречаться. - сказал он грустно.

- А почему же ты тогда нашел мне место в классе?

- Мне захотелось, чтобы ты была близко около меня, как теперь, - добавил он, притягивая меня к себе, и мы снова замолчали надолго, забывая все на свете.

- Ты читала когда-либо Песнь Песней Соломона? - спросил он.

- Возможно читала, но не помню. А что?

- Мне она сейчас припомнилась, может не точно. "Положи меня как перстень на пальце твоём, как печать на сердце твоём, ибо сильна, как смерть, любовь моя и страшна, как преисподняя, ревность и стрелы ее - стрелы огненные", - продекламировал многозначительно, Виталий.

- О, красиво и очень верно; только я не понимаю "преисподни" и "ее стрел огненных", - немного шутя, добавила я.

- Надеюсь, что у нас этого никогда не будет, - заключил Виталий.

Когда он проводил дрожащею рукою по моим волосам, лицу, шее, груди и целовал прижимая к себе, во мне все до глубины моего существа тянулось, рвалось ему на встречу и, теряя рассудок и сознание, я впадала в какое-то блаженное безволие. И куда бы я не повернулась, куда бы не взглянула, как бы не пошевелилась, я всюду встречала его губы, его глаза, его руки - везде было он... Кругом он... Только он - весь мир он. Сердце мое, то колотилось, то замирало.

"Сильна как смерть любовь моя", - проносилось в растрепанных мыслях, - "и стрелы ее - стрелы огненные".

- Гм!... гм!... - раздалось громко позади меня.

Вздрагнув, я обернулась. Маленький, худенький старичек, повернувшись с соседней скамейки, настойчиво и сердито смотрел на меня. Я отстранилась от Виталия.

- Ну, чего ты испугалась? Разве ты его знаешь?... нет, и он тебя не знает и ни ты его, ни он тебя никогда не увидит. Не обращай внимания. Смотри, ну вот, как на того воробушка, что скачет там по дорожке, - уговаривал меня Виталий.

Поцеловавшись еще раза два, но уже не так как прежде и чувствуя как мне казалось, строгий, устремленный на меня сзади взгляд старичка, я понемногу пришла в себя.

Оказалось что все сроки моего возвращения домой давно прошли.

- Ах, все равно, так и так завтра уезжаю, - сказала я.

И только теперь мы вспомнили, что надо расстаться на целое лето.

- Боже мой! как я выдержу такое долго время без тебя, - с испугом сказал Виталий, - да ты меня и забудешь.

- Я тебя забуду! Разве это возможно? Никогда, никогда а жизни, до конца ее не забуду, - говорила я.

Близость, возникшая между нами, была так сильна, что разлука казалась невероятной: трудно было поверить в это, как во что-то совершенно противоестественное. Только, когда из предосторожности не дойдя до дома, мы простились на углу улицы, я почувствовала себя вдруг такой несчастливой, одинокой и беспомощной, что будь это на улице, я неудержимо расплакалась бы.

- Первый раз я довольна, что ты наконец уезжаешь, - услышала я слова тети, прозвучавшие словно издали, когда я, войдя в дом, встретила с ней в коридоре.

- Сейчас... сейчас... - пробормотала я бессмысленно, быстро убегая в свою комнату.

Мне было не до тети. Буря разнородных чувств волновала меня: и любовь, и счастье, и боль разлуки.

[Глава 6](#)